

Ци Жован задумчиво произнес:

— Я хочу построить дом, но не могу использовать дерево — оно легко загорается, и камень — я его не сдвину. Есть один материал, идеально подходящий для строительства, но я не могу его создать.

Он с печальным видом посмотрел на собеседника.

— Как ты думаешь, есть ли способ сделать эту грязь твердой как камень и устойчивой к воде?

Цинь Шань не удостоил его ответом.

Но в следующую секунду Ци Жован робко добавил:

— Если я не построю этот дом за день, то не смогу жить спокойно. Ведь сейчас в этой пещере живу не только я, а справлять нужду где попало как-то неловко.

Цинь Шань резко обернулся и увидел, как Ци Жован смущенно смотрит на него.

— На горе нет уборной, и я обычно справляюсь как придется. Кстати, брат, ты не знаешь, как построить уборную?

Цинь Шань впервые встретил Ци Жована, сначала привлеченный его игрой на листьях, а затем шокированный его бесстыдной просьбой. Позже, когда они стали близкими друзьями, Цинь Шань, вспоминая тот случай, редко проявлял сожаление.

— Я думал, что человек, способный извлекать такие звуки из флейты, будет достойным и благородным.

Тогда Ци Жован рассмеялся и сказал:

— Старый Цинь, у меня только ревматизм, никакой благородности! Единственное, что я могу делать с пафосом, это это ремесло.

Ци Жован был мастером музыки.

Будучи молодым главой семьи Ци из Хуайнань, люди могли смеяться над его безумием, ненавидеть его упрямство, сожалеть о его своеволии, но никто не мог сомневаться в его знании музыки.

Поэтому, после того как Ци Жован сказал Ю Сяои эти слова, командующий Зала Властного Клинка мог только горько усмехнуться и признать свою ошибку.

— Я был легкомыслен, господин Ци сказал, что это цянская флейта, и никаких других вариантов быть не может.

Ци Жован ответил:

— Все, что я знаю, это только это. Помощник командующего доволен?

Ю Сяои, поглаживая край чашки, улыбнулся:

— Господин Ци только что спасся из опасной ситуации, вероятно, шокирован и еще не успел отдохнуть. Почему бы вам не остаться в Зале Властного Клинка на пару дней? Возможно, тогда

вы вспомните больше.

Ци Жован пристально посмотрел на него.

— Хорошо.

Ю Сяои был удивлен его уступчивостью, хотя, учитывая нынешнее положение Ци Жована, сопротивление было бы еще более удивительным.

— Тогда, господин Ци, пожалуйста, пройдите в жилище, подготовленное для вас в Зале Властного Клинка...

Ци Жован прервал его:

— Не нравится, не пойду, разбирайтесь сами.

С этими словами он размашисто взмахнул рукавом и, не попрощавшись, спустился вниз.

Молодой помощник командующего Зала Властного Клинка, Ю Сяои, с каменным лицом наблюдал, как он уходит.

— Ха! Впервые вижу тебя с таким выражением лица, очень радует!

С крыши за окном спрыгнула тень и села напротив Ю Сяои, с ухмылкой рассматривая его лицо.

— Ну как, Ю Сяо, каково это — когда на тебя смотрят с презрением?

Ю Сяои отвел взгляд и поднял бровь, глядя на Си Чэньшуйя.

— Все же лучше, чем пить северный ветер на улице. Ты же ушел, почему вернулся?

— Хм! — Си Чэньшуй развалился на стуле. — Если бы я действительно ушел, ты бы расстроился.

Он поднял чашку, и Ю Сяои наблюдал, как он выпивает несколько чашек желтого вина.

— Ну как?

Си Чэньшуй покачал головой.

— Не знаю, я не видел Ци Жована лично, не уверен.

— Тогда это не...? — Ю Сяои не назвал имени, но его взгляд выдал напряжение.

Си Чэньшуй сжал чашку.

— Это не Цинь Шань.

— Почему ты так думаешь? Он носит маску из человеческой кожи.

— В мире полно людей, которые носят маски из человеческой кожи! — Си Чэньшуй бросил на него взгляд.

— Но он самый подозрительный. После инцидента в Безымянной долине только он сбежал,

он...

— Я знаю, о чем ты думаешь. — Си Чэньшуй прервал его. — Но это точно не Цинь Шань. Ты видел Цинь Шаня?

Ю Сяои покачал головой, с сожалением сказав:

— Когда Цинь Шань был на пике славы, я еще не вышел в мир.

— Вот и все. Ты не видел Цинь Шаня, поэтому не знаешь. Этот человек — меч, оружие, которое ранит. Когда я его видел, его меч был самым острым. Даже когда его окружили десятки тысяч людей на горе Шаоши, требуя признания вины, Цинь Шань не согнулся ни на йоту.

Си Чэньшуй вздохнул.

— Если бы тот человек был Цинь Шанем, ты бы уже был мертв при первой угрозе.

Он увидел недовольство на лице Ю Сяои и покачал пальцем.

— Цинь Шань — командующий Зала стражи Цинь. Даже если его боевые навыки сейчас уступают твоим, у него есть сотня способов убить тебя.

Услышав это, Ю Сяои замер.

— Хотел бы я увидеть такого человека.

— Но тот человек, которого я видел, когда говорил с тобой, постоянно трогал правое запястье.

— Си Чэньшуй спросил. — У Ци Жована есть такая привычка?

Ю Сяои вздохнул:

— Теперь я верю, что это Ци Жован.

— Почему?

Глядя на недоумевающего друга, Ю Сяои сказал:

— Молодой глава семьи Ци из Хуайнань был известен в мире как мастер игры на цитре. Говорят, когда он играл, белые журавли танцевали.

Но это было когда-то.

С тех пор как пять лет назад Ци Жован, ради мужчины, отрезал себе запястье, никто больше не слышал таких звуков.

...

Когда Ци Жована слуга помог вернуться в усадьбу, снег уже прекратился, но он шел достаточно долго, чтобы обрушить стену соседского двора. Слуга помог ему выйти из кареты, и Ци Жован долго смотрел на людей, ремонтирующих стену.

— Господин, хотите также починить карниз?

Ци Жован спросил:

— Миньюэ, скажи, почему у этих людей стены не падают?

— Они используют раствор из рисовой пасты и извести, поэтому он крепкий. Господин, вы родились в знатной семье и не знаете таких вещей, но мы с детства помогаем по дому, это самые простые вещи.

Ответил слуга.

Ци Жован замер.

Через мгновение он усмехнулся, а затем рассмеялся.

«Брат, ты знаешь, как построить уборную из раствора?»

Смех сотрясал несколько красных слив во дворе, прежде чем Ци Жован остановился.

Он едва слышно произнес:

— Но у меня есть друг, который мучился этим вопросом много лет.

Еда на каменном столе остыла, а человек перед столом все еще стоял неподвижно.

Цинь Шань сидел в стороне, длинная цепь обвивала его лодыжку, тянулась вглубь пещеры. Длина цепи позволяла ему свободно передвигаться по пещере, но не дальше.

Янь Мобэй вздохнул, глядя на остывшую курицу по-нищенски.

— Почему ты не ешь?

Цинь Шань не ответил.

Янь Мобэй отошел от стола, подошел к нему и внимательно посмотрел на его лицо.

— Ты похудел.

Если бы Ци Жован был здесь, он бы наверняка саркастически заметил. Естественно, кто бы не похудел, живя в пещере без света, как крыса?

Но Цинь Шань лишь молчал в ответ.

Не потому что знал, что его игнор был худшим наказанием для Янь Мобэя, а потому что больше не хотел смотреть на этого человека.

Если бы у него был меч и силы, он бы без колебаний пронзил этого человека.

Он закрыл глаза, потому что боялся, что, открыв их и увидев Янь Мобэя, не сдержит ненависти и уничтожит все вокруг.

В этот момент Цинь Шань был как загнанный зверь, готовый уничтожить весь мир. Тем более, когда перед ним был виновник всего.

Янь Мобэй, казалось, не замечал его мыслей. Его взгляд был горячим, словно он хотел запомнить каждую черту лица Цинь Шаня. Его рука, спрятанная в рукаве, слегка дрожала, желая прикоснуться к теплу этого человека. Но в конце концов он сдержался.

В пещере стало тихо, настолько, что даже дыхание едва слышно.

Цинь Шань почти подумал, что тот ушел, но услышал тихий голос Янь Мобэя.

— Еда остыла, я приготовлю еще. Если ты не будешь есть, мне придется кормить тебя самому.

Его голос был нежным.

— Я с нетерпением жду.

Цинь Шань, который медитировал с закрытыми глазами, резко открыл их и с яростью посмотрел на Янь Мобэя, но тот уже был у выхода.

— Ашань, ты все же взглянул на меня.

Янь Мобэй с удовлетворением рассмеялся и ушел, оставив Цинь Шаня в ярости, едва не впавшего в помешательство.

Когда Ци Жован вошел, командующий Цинь смотрел на остывшую еду, молча выражая гнев.

— Почему не ешь?

<http://bllate.org/book/16875/1555430>